

The Historical Experience of Educational Practices for Children of Refugees of the First World War (on the Example of the Yenisei Province of the Russian Empire)

Tatiana A. Kattsina^{*a, b}, Natalya V. Pashina^a, Ludmila E. Mezit,^b Ekaterina V. Potapova^a

^a Siberian Federal University, Russian Federation

^b Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafev, Russian Federation

Abstract. The experience of the implementation of the organizational and pedagogical conditions of the sociocultural adaptation of the children of the First World War refugees in one of the migrant regions of the Russian Empire, the Yenisei province (now the Krasnoyarsk Territory), is summarized. The analysis is limited to the imperial period of the First World War, July 1914 – February 1917, within the framework of which the main directions in the organization of training and education of refugees aged 7–14 years were determined. Based on the achievements of modern historiography, a complex of historical sources (regulations, office materials, periodicals), methods of general scientific and historical research revealed regional specifics of real educational and adaptation practices in relation to juvenile refugees during the First World War. The conclusion is made about the contribution of regional public organizations to the provision of opportunities to receive and continue education, to overcome the psychological and behavioral problems of minor refugees. Along with this, it was noted that unfavorable trends were manifested with the staffing of educational institutions. Economic difficulties of wartime and disagreements with the provincial and city administrations on organizational and financial issues had a negative impact on the sustainability of the work of public organizations that were forced to reduce or completely cease their activities. The

*Corresponding author.

E-mail addresses: tkatsina@sfu-kras.ru (T.A. Kattsina), nvpashina@yandex.ru (N.V. Pashina), mezit@yandex.ru (L.E.Mezit), potapowa.catia2011@yandex.ru (E.V. Potapova)

insignificant scale of improvements in the situation of refugee children does not make it possible to assess these trends as sustainable, but at the same time represents the first experience in addressing the urgent material and spiritual needs of refugees.

Keywords: organizational and pedagogical conditions, sociocultural adaptation, World War I, refugee children, Committee for Aid to Refugees, school section.

1. Введение

В современном мире в силу географического, социально-экономического, политического и социально-культурного факторов наблюдается вынужденная миграция населения (беженство), значительную часть которого составляют несовершеннолетние. Одна из проблем, с которыми они неизбежно сталкиваются на новом месте жительства, является социокультурная адаптация, представляющая собой сложный, разносторонний и часто длительный процесс переживания перемен, культурных, этнических и религиозных различий с титульной нацией. Процесс социальной адаптации подростка происходит в определенных условиях, из которых вторым по значимости, после семьи, является школа. Полученное школьное образование и знания помогают детям и подросткам ориентироваться в социальной действительности, использовать усвоенные навыки при решении практических и теоретических задач, вырабатывать у себя социальный интеллект, иначе говоря, адаптироваться в сложных обстоятельствах. Установка на образование выступает не только фактором социально-культурной адаптации беженца к условиям жизни в новом социуме, но и служит средством предупреждения антиобщественных настроений и поступков, помогает проявлять социальное поведение адекватно требованиям жизни. В силу ряда причин, отмечает ряд авторов ([Ценюга и др., 2017: 33](#)), данная проблема в течение десятилетий не вызывала всеобщего исследовательского интереса как зарубежного, так и отечественного педагогического сообщества. Состояние научных знаний и современные общественные процессы повышают актуальность исторических исследований, в том числе слабо освещенных страниц учебно-воспитательных практик для детей беженцев в эпоху Первой мировой войны, связаны с начавшимся в конце

XX в. поиском гуманистической составляющей и антропологического фундамента социальной жизни населения.

2. Материалы и методы

Исследовательская проблематика потребовала привлечения широкого круга исторических источников, часть из которых введена в научный оборот впервые. Законодательные материалы зафиксировали те формально-юридические нормы, которые определяли правовой статус («Положение об обеспечении нужд беженцев» от 30 августа 1915 г.) ([Законы и распоряжения, 1916](#)), регламентировали вопросы удовлетворения материальных, религиозных и образовательных нужд («Руководящие положения по устройству беженцев», утвержденные 2 марта 1916 г.) ([Руководящие положения, 1916](#)) беженцев. Возможность выявить основные направления работы общественных организаций, удовлетворяющих образовательные нужды беженцев в Енисейской губернии, дают делопроизводственные документы, периодическая печать. Были привлечены материалы фондов 161 (Городская управа), 817 (Красноярская уездная управа) государственного архива Красноярского края (ГАКК), фонда 17 (Ачинский уездный комитет помощи беженцам империалистической войны) архива города Ачинска, «Вестник Приенисейского края» (издание Красноярского отдела Сибирского общества помощи больным и раненым воинам и пострадавшим от войны) за 1915–1916 гг., «Протоколы совещания по вопросам призрения беженцев, состоявшегося 21–23 ноября 1915 г. в Иркутске» ([Протоколы совещания, 1916](#)) и др.

В работе применено сочетание хронологического и проблемного подходов, методов общенаучного и конкретно-исторического исследования. В теоретическом осмыслении исследуемого феномена авторы опирались на концепцию «акторного» подхода, получившую обоснование ([Побережников, 2016](#)) в рамках теории модернизации. С позиций этого подхода исторический опыт оценивается через призму интересов, мотивов, ценностных ориентаций, социальных установок разных категорий акторов, через эволюцию акторных структур, выработку технологий увеличения имеющихся в их распоряжении

ресурсов и способов их преобразований в «реальные современные возможности» (Побережников 2016: 6). Региональный подход позволил провести оценку реализации организационно-педагогических условий социокультурной адаптации детей беженцев в территориальном разрезе.

3. Обсуждения

Изучение проблемы беженства началось недавно, «когда Первая мировая война вышла, наконец, из тени событий 1917 г. и превратилась в автономную область исследования» (Суржикова, 2012: 140). В публикациях последних лет беженство рассматривается не только как миграционная проблема, но и как сложное явление, имеющее свою структуру и количественные параметры (Gatrell, 1999; Курцев, 2008), этническое измерение (Златина, 2009; Нам, 2015), проблемы интеграции с принимающим сообществом (Zhvanko, 2012; Катцина, 2013; Рынков, 2015). Внимание исследователей привлекают вопросы поддержки социального благополучия беженцев, которые рассматриваются через призму специфических форм помощи, всевозможных гуманитарных инициатив и организационных структур (Туманова, 2014; Белова 2013). Разработка отдельных вопросов вынужденной миграции населения в годы Первой мировой войны осуществляется и в региональном (в данном случае сибирском) измерении (Щетинина, 2007; Ростов, Горелов, 2015). Хотя попытки рассмотреть организацию помощи детям беженцев предпринимались (Гордиенко, 2009), но в целом, вопрос реализации организационно-педагогических условий социокультурной адаптации детей беженцев Первой мировой войны еще не стал самостоятельной темой исследований. Частичной его разработке посвящена данная статья.

4. Результаты

4.1. Учебные практики

Участие России в Первой мировой войне вызвало внутри страны массовое беженство преимущественно с западного фронта военных действий. Первые беженцы в Енисейскую губернию стали прибывать осенью 1914 г., а с апреля 1915 г. (после отступления русской армии) целыми партиями; к ноябрю их

численность в губернии достигла 12 299 (Нам, 2015: 276). Социально-демографическая ситуация осложнялась тем, что почти половину перемещенного населения составляли нетрудоспособные, среди которых 41–50 % – несовершеннолетние до 14 лет (Подсчитано по: Архив города Ачинска: Ф. 17. Оп. 1. Д. 5. Л. 145; Д. 11. Л. 31; Вестник, 2016: 17).

Из средств государственного казначейства Министерству внутренних дел (в его составе было образовано особое управление – Отдел по устройству беженцев) в 1915 г. было выделено 25 млн руб. на «безотлагательное удовлетворение настоятельных нужд беженцев и на скорейшее устройство дела по обеспечению их участи» (Законы и распоряжения, 1916: 2). Государственные субсидии позволяли общественным организациям, причастным к решению беженского вопроса, оказывать опекаемому контингенту юридическую, справочно-трудовую, продовольственную, вещевую, врачебную, жилищную, банно-прачечную помощь. Одним из направлений работы Комитетов помощи беженцам, образовавшихся в августе – октябре 1915 г. в городах Красноярске, Канске, Ачинске Енисейской губернии стала организация учебно-воспитательной помощи беженцам. Решением этого вопроса занимались детские (школьные) секции, созданные в структуре названных комитетов. Они строили свою работу сообразно местным обстоятельствам и имеющимся потребностям.

В целях согласования разрозненных мероприятий по организации помощи беженцам и для выработки какого-либо общего плана, по инициативе Иркутского комитета Всероссийского союза городов было проведено совещание 21–23 ноября 1915 г. В нем приняли участие представители Иркутской губернской и городской администраций, делегаты городских и уездных комитетов помощи беженцам, представители от самих беженцев, национальных (еврейских, латышских, польских) организаций. География участников совещания охватила Иркутскую, Енисейскую губернии, Забайкальскую область (Протоколы совещания, 1916 : I–IV, 3–4). В резолюции совещания по учебно-воспитательному вопросу отразилось пожелание, чтобы

все школы национальных организаций для детей беженцев были организованы на государственные средства, а при приеме учащихся в средние учебные заведения «не допускались изъятия для евреев в смысле процентной нормы» (Протоколы совещания, 1916: 86). Констатируя неудовлетворенность потребности детей беженцев в школьном образовании, участники совещания признали, что общественные организации не могут обеспечить ее собственными ресурсами. Рекомендовалось местным общественным организациям Всероссийского союза городов приложить все усилия для содействия школьному образованию детей и возбудить вопрос о необходимых для этого государственных ассигновках (Протоколы совещания, 1916: 85–86).

Источниковая база позволяет достаточно подробно рассмотреть работу школьной секции Красноярского комитета помощи беженцам. Штат секции состоял из 50 человек (Вестник, 1916: 43). Они вели переписку с учебными заведениями об устройстве детей беженцев, оказывали семьям консультативную помощь, снабжали учебниками и письменными принадлежностями и т. п. (ГАКК. Ф. 161. Оп. 1. Д. 246. Л. 96). Потребности детей беженцев выявлялись с помощью регистрационной карточки. В нее, путем опроса родителей заносились данные о числе детей, их возрасте, знании русского языка, о необходимости обучения на родном языке, сведения о том, где обучался ребенок и куда он может быть определен, о нужде в одежде, белье, обуви, учебниках и медицинской помощи. Регистрация проводилась ежедневно с 10 до 15 часов дежурными членами секции.

Из-за проблем материально-бытового характера дети часто не могли приступить к занятиям сразу после их зачисления в образовательное учреждение. После длительного (два–три месяца) «путешествия в Сибирь» они тотально имели проблемы со здоровьем, нуждались в лекарствах и медицинской помощи. В виду сурового климата Енисейской губернии и спешной эвакуации беженцев из дома еще в теплое время года, огромное большинство их нуждалось в зимней верхней одежде и обуви. Обеспечение беженцев одеждой находилось в ведении продовольственной секции, со склада

которой одежда выдавалась строго по ордерам соответствующих секций беженцам поступающим на работы, зачисленным в учебные заведения, уезжающим в деревню. Из-за ограниченных возможностей ставилась задача обеспечить одеждой только перечисленные категории, снабдить каждую беженскую семью необходимым минимумом одежды для поочередного пользования (Вестник, 1916: 27).

Сотрудники школьной секции отмечали, что «в Красноярске не было ни одного учебного заведения, которое так или иначе не пришло бы на помощь секции» (Вестник, 1916: 33). Например, денежно-вещевые пожертвования, собранные учащейся молодежью города, позволили удовлетворить первоначальную нужду детей беженцев в учебных и школьно-письменных принадлежностях (Вестник, 1916: 33).

Согласно регистрационным данным, собранным школьной секцией за октябрь 1915 г. – март 1916 г., изъявили желание начать или продолжить обучение 664 человека (391 мальчик и 273 девочки), в том числе в возрасте от 7 до 10 лет – 260, от 10 до 14 лет – 315, от 14 лет и старше – 89. Их национальный состав характеризуют следующие данные: русские (к ним традиционно относили украинцев и белорусов) – 505 человек (76 %), поляки – 124 (18 %), латыши – 23 (3 %), литовцы – 5 (0,75 %) и евреи – 7 (1 %) (Вестник, 1916: 34).

Число детей беженцев, распределенных в разные учебные заведения Красноярска отражено в нижеследующей таблице (составлена по: Вестник, 1916: 34):

Таблица – Число детей беженцев в учебных заведениях Красноярска
(на начало марта 1916 г.)

Название учебного заведения	Мальчиков	Девочек	Всего
Мужская гимназия	6	–	6
Женская гимназия	–	15	15
Реальное училище	3	–	3

Торговая школа	–	1	1
Школа при Синельниковском приюте	2	–	2
Первое, второе, третье высшие начальные училища	10	4	14
Городские начальные училища	32	28	60
Школа беженцев	138	48	173
Польская школа	32	39	71
Еврейское училище	1	3	4
Ремесленное училище имени Т.И. Щеголевой	3	–	3
Учительская семинария	1	–	1
Духовное училище	2	–	2
Советская церковно-приходская женская школа	–	1	1
Всего	230	139	369

Из сопоставления данных таблицы с предшествующим материалом, видим, что 57 % всех зарегистрированных детей школьного возраста удалось устроить в школы и иные учебные заведения.

Усилившийся прилив беженцев в Красноярск поставил перед школьной секцией еще в октябре 1915 г. вопрос об открытии специальной, по типу городской, школы. Потребность была продиктована тем, что учебный год уже начался и вакансий в учебных заведениях не осталось. Дирекция народных училищ предоставила под школу несколько помещений в Доме просвещения Общества попечения о начальном образовании. Заведующим школы был назначен учитель из числа беженцев И.А. Остапкович с ежемесячным жалованием 25 рублей. В помощь ему взяли на себя преподавание в школе безвозмездно члены секции: Е.Е. Гвоздикова, Н.И. Разумова, Н.В. Гоштовт, М.Ф. Матасов, В.С. Митич, О.Ф. Эглит, священники О.А. Воскресенский, отец Столярский и О.В. Козлов ([Вестник, 1916: 33](#)).

Занятия в школе начались уже 2 ноября и проходили ежедневно с 14 до 18 часов вечера ([Вестник, 1916: 34](#)). Однако ее помещения не были удовлетворительным, часто приходилось прерывать занятия из-за плохого освещения. Эпидемии среди детей беженцев ставили даже на очередь вопрос о закрытии школы. Для сохранения контингента секцией были организованы завтраки для учеников школы беженцев. Первоначально они состояли из $\frac{1}{3}$ фунта черного хлеба, но после увеличения ассигнований и привлечения к

заготовке завтраков беженской столовой, рацион составил одну котлету с ломтем хлеба или большой мясной пирог ([Вестник, 1916: 33](#)). Из-за разбросанности помещений и трудности доставки, не удалось организовать завтраки для беженцев, учащихся в других учебных заведениях. Почти с первых дней работы школы для беженцев проявились проблемы организационно-педагогического характера. С одной стороны, члены секции не могли с должной регулярностью вести преподавательскую работу из-за занятости другими делами, а с другой, – от них требовались большие трудозатраты из-за крайне разнообразного уровня познаний учащихся. С 1 января 1916 г. преподавание велось платным персоналом. Кроме И.А. Остапковича были назначены учительницы О.И. Уманская и Н.И. Разумова. Так как от Министерства народного просвещения было ассигновано всего по 30 рублей в месяц на преподавателя, то Комитет помощи беженцам постановил доплачивать из ассигнованных на школьное дело средств до жалования, получаемого городскими учителям. Такими мерами старались сохранить педагогический состав школы и поддержать его материальное положение ([Вестник, 1916 с: 33](#)).

Структура основных расходов по школьной секции за весь период действия Красноярского комитета помощи беженцам (2 августа 1915 г. – 11 марта 1916 г.) выглядит в процентном соотношении следующим образом: жалование служащим школьной секции – 15,7 %; учебные принадлежности – 26,5 %; ткани для шитья школьной одежды – 2,6 %; плата за учение детей беженцев – 26,8 %; завтраки школьникам – 14,9 %; рождественские подарки и угощение детей беженцев – 12,4 % (подсчитано по: [Вестник, 1916: 35](#)).

Следует отметить, что за время своей работы члены школьной секции не раз сталкивались с мнением, что когда необходим кров, одежда и пища, – образование является не столь насущной задачей. Это заставляло сотрудников секции пессимистически глядеть на свою деятельность и сомневаться в правильности ее направления. Компенсировала такие настроения установка детей беженцев на образование. Председатель школьной секции М. Ф. Матасов

писал: «И когда мы видим, с какой жадой знания приходят к нам дети беженцев, как дорожат они этой возможностью приобрести сравнительно то небольшое в области знания, что могла дать при настоящих условиях наша школа, – то вопрос о необходимости нашей работы отпадает сам собой» ([Вестник, 1916: 35](#)).

4.2. Воспитательные практики

С первых дней своей работы школьная секция занялась устройством учреждений для детей-сирот. На добровольные пожертвования, в Николаевской слободе с разным интервалом времени (10 октября и 6 декабря 1915 г.) были открыты два детских дома. Однако через месяц один из них был закрыт в связи со значительным снижением притока беженцев и возможностью разместить детей в приюте, открытом Польским обществом для детей-поляков ([Вестник, 1916: 34](#)). В детском доме стремились создать «семейную, трудовую обстановку, в которой ребенок смог забыть все пережитые ужасы и горе и зажил бы нормальной детской жизнью, полной собственных интересов» ([Вестник, 1916: 36](#)). Предписывалось при оборудовании созданных для детей беженцев учреждений (школ, убежищ, приютов) соблюдать строгую бережливость «в предвидении того, что неизбежная, по миновании надобности, ликвидация этих учреждений будет тем убыточнее, чем дороже они стоили» ([Руководящие положения, 1916: 9](#)).

Изначально предполагалось принимать в детский дом только детей-сирот, детей, затерянных в пути, и таких, чьи родители поступали в услужение. Однако вскоре этот круг был расширен за счет детей, чьи родители определялись на поселение в удаленные от города местности. Комитет принял во внимание доводы председателя школьной секции о том, что потерянный год занятий для детей из необеспеченных классов особенно сильно может отразиться на их судьбе и послужить отказом на всю жизнь от дальнейшего обучения ([Вестник, 1916: 35](#)). Сначала дети проживали в детском доме без различия национальности и религий. Практика показала, что такое сожительство, желательное в принципе, в жизни связано с некоторыми

неудобствами. Родители, иногда родственники детей, заявляли о желании воспитывать детей в духе их собственной религии, соблюдения собственных постов, традиций, сохранения родного языка. Поляки требовали организовать обособленное проживание их детей. Трудности с коммуникацией, различие в культуре и обычаях, устоявшихся формах поведения становились почвой для конфликтов среди детей. Учитывая сложившиеся обстоятельства, школьная секция, несмотря на крайне трудное финансовое положение, приняла решение открыть дополнительный приют для расселения в нем детей по национальному признаку. Ситуация разрешилась в январе 1916 г. Римско-католическое благотворительное общество предложило разместить детей поляков в организованном им национальном приюте на условиях внесения Комитетом помощи беженцам оплаты за их проживание в размере (10 рублей), равном стоимости месячного содержания одного ребенка в детском доме ([Вестник, 1916: 35–36](#)).

В детском доме практиковалось, чтобы дети сами убирали помещение, помогали кухарке, гладили и чинили белье, готовили уроки. По наблюдениям наставников трудовое воспитание удалось внедрить лишь частично. Воспитанники, особенно мальчики, хотя и выполняли возложенные на них обязанности, делали это неохотно. Причину этого члены секции видели как в отсутствии опытных воспитателей, умеющих заинтересовать детей, нехватке ресурсов для организации творческого труда, вызывавшего интерес (работы по выпиливанию, занятия в столярной, переплетной, швейной мастерских), так и в самих детях. Прежде, чем попасть в детский дом детям пришлось вкусить самостоятельной жизни, и этот опыт жестоко отразился на их поведении. Труд перестал восприниматься ими не только как духовная ценность, необходимое условие для физического и нравственного развития, но и как способ удовлетворения материальных потребностей. Работники детского дома отмечали, что примерно $\frac{1}{5}$ часть всех воспитанников не только не поддаются перевоспитанию, но и какому-либо влиянию ([Вестник, 1916: 36](#)).

Понимая причины нарушения в поведении детей, работники детского дома не имели опыта для его исправления. В редких случаях в качестве меры воздействия на злостных нарушителей порядка применялось исключение из заведения. Но и она не давала результатов, поскольку после временного размещения дебоширов в распределительные пункты для беженцев, их возвращали назад. Отчаявшись найти подход к так называемым «трудным» для воспитания детям, наставники концентрировали все усилия на самых маленьких воспитанниках приюта, особая забота и повышенное внимание к которым по общему убеждению оценивались как более целесообразные.

Наладить воспитательный процесс в детском доме не позволило скудное финансирование. Ограниченность средств вынудила школьную секцию минимизировать затраты на оплату труда наемного педагогического персонала. В результате вся работа по руководству детским домом и воспитанию детей была возложена на заведующую и ее помощницу. Согласно проекту школьной секции небольшой штат наемного персонала детского дома компенсировался большим количеством добровольных помощников из состава членов школьной секции и учащихся женской и мужской гимназий. Однако практика показала, что ни волонтеры, ни платный персонал, не были готовы к работе с подопечными приюта. Романтичные представления, с которыми они приступили к работе, быстро подверглись ревизии. Вместо послушных, открытых миру, беззащитных подопечных, приходилось работать с детьми, пережившими психотравмирующую ситуацию, следствием которой стало агрессивное поведение, проявление жестокости к себе и окружающим, высокая конфликтность. Длительное пребывание в условиях улицы, полная свобода и предоставленность самим себе, жизнь в ненормальных условиях военной действительности, выбила детей из обычной колеи, размыла границы добра и зла. Их жизненная стратегия целиком и полностью была направлена на выживание. Украсть, обмануть, выпросить, когда нужно подстроиться – все в глазах этих детей служило указанной цели. Отсутствия опыта работы с детьми-беженцами, высокая нагрузка стали основной причиной частой смены наемного

педагогического персонала и постепенного отказа от работы добровольных помощников. В результате уже в начале 1916 г. почти четыре десятка воспитанников оказались на попечении двух платных работников: заведующей и ее помощницы ([Вестник, 1916: 36](#)).

Финансовые трудности и нерешенный кадровый вопрос вынудили пойти на сокращение количества подопечных, принятых в детский дом. В январе 1916 г. из него выбыло 24 ребенка: шестеро были взяты Польским комитетом помощи беженцам, двое сбежали (относительно них было выяснено, что их родители проживали в Красноярске, а сами они беженцами не являлись), 16 – взято отыскавшимися родными ([Вестник, 1916: 37](#)). К марту в детском доме осталось 20 подопечных (19 русских и 1 латыш): 8 из них были сиротами, 12 – детьми, чьи родители проживали в удаленных от города сельской местности. После отъезда на лето значительного числа детей к родственникам на каникулы, у которых им было предложено остаться, детский дом был закрыт, а оставшихся детей распределили по Красноярским приютам, с оплатой за их содержание из беженского кредита ([Архив города Ачинска. Ф. 17. Оп. 1. Д. 5. Л.104–106](#)).

С начала 1916 г. деятельность Комитета помощи беженцам стала сворачиваться. С одной стороны это было обусловлено серьезными финансовыми трудностями, возникшими из-за сокращения государственных дотаций. С другой, форма организации Красноярского городского Комитета помощи беженцам установлена не была, равно как руководящие постановления и порядок взаимоотношений с городским общественным управлением, что в дальнейшем привело к разногласиям по ряду организационных и финансовых вопросов, ограничению деятельности Комитета со стороны губернской и городской администраций. В этой обстановке члены Комитета добровольно сложили свои обязанности и фактически прекратили работу с 15 марта 1916 г. Одновременно закрыла свои действия и школьная секция.

5. Заключение

Обобщая вышеизложенное, отметим, что организация школьного образования для детей беженцев Первой мировой войны явилось одним из направлений деятельности государства и общественных организаций в решении беженского вопроса. На протяжении исследуемого периода помощь общественных организаций трансформировалась от стихийных форм, возникших после прибытия в губернию первых вынужденных переселенцев, до приобретения системного характера, когда миграционный поток увеличил свою интенсивность. Благодаря совместной работе общественных организаций, правительственных органов и гражданских активистов, беженцы получили доступ к различным уровням действующей системы образования. Повседневная жизнь детей беженцев в детском доме строилась на основе принципов семейного и трудового воспитания, благодаря которым ребенок мог адаптироваться к новым жизненным условиям и вернуться к привычной жизни. Однако меры, направленные на социально-культурную адаптацию детей беженцев оказались непоследовательными. Организация школьного образования оставалась в тени решения материально-бытовых вопросов. По причине недостаточного финансирования создание специализированной школы и приюта для детей-беженцев, оставшихся без попечения родителей, не получили должного кадрового обеспечения. Тогда как привлечение добровольных помощников к воспитательному процессу не могло принести желаемых результатов в виду полного отсутствия у них педагогического опыта работы с детьми-мигрантами. Вместе с тем, опыт школьной секции нельзя признать неудачным. Модель работы с детьми беженцами Первой мировой войны может быть критически оценена и адаптирована к современной практике работы социальных служб с этим контингентом.

Литература

[Белова, 2013](#)–Белова И.Б.Беженцы Первой мировой войны из западных районов Российской империи: обеспечение жизнедеятельности в местах

временного проживания // Вестн. Балтийского федер. ун-та им. И. Канта. 2013. № 12. С. 51–62.

[Вестник, 2016](#) – Вестник Приенисейского края. 1916. 28 августа.

[ГАКК](#) – Государственный архив Красноярского края.

[Гордиенко, 2009](#) – *Гордиенко Л.Н.* Организация помощи детям беженцев учебными заведениями Алтайского округа в годы Первой мировой войны // Известия Алтайского гос. ун-та. 2009. № 4–1. С. 63–64.

[Законы и распоряжения, 1916](#) – *Законы и распоряжения о беженцах*. Вып. первый; 2-е изд., доп. Москва: Городская типография, 1916. 103 с.

[Златина, 2010](#) – *Златина М.А.* Организация помощи еврейским беженцам в Российской империи в первые месяцы Первой мировой войны по материалам прессы (июль – октябрь 1914 года) // Известия Российского гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. 2009. № 118, 30–35.

[Катцина, 2013](#) – *Катцина Т.А.* «Нуждаемся во всем...»: положение выселенцев Первой мировой войны в Восточной Сибири // Вестник Краснояр. гос. педагогич. ун-та им. В. П. Астафьева. 2013. № 4 (26). С. 219–222.

[Курцев, 2008](#) – *Курцев А.Н.* Историческая социомобильность и многообразие миграций населения Центрального Черноземья в 1861–1917 гг. // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер. История России. 2008. № 3(13). С. 82–92.

[Нам, 2015](#) – *Нам И.В.* Польские беженцы Первой мировой войны // Польские ссыльные в Сибири во второй половине XVIII – начале XX века в восприятии российской администрации, переселенцев и коренных народов Сибири : сб. науч. тр. Омск: Полиграфический центр КАН, 2015. С. 274–284.

[Побережников, 2016](#) – *Побережников И.А.* Актеры российской имперской модернизации (XVIII – начало XX в.): региональное измерение. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2016. 316 с.

[Протоколы совещания, 1916](#) – «Протоколы совещания по вопросам призрения беженцев, состоявшегося 21–23 ноября 1915 г. в Иркутске». Иркутск : Электро-типография И.А. Белоголового, 1916. 89 с.

Ростов, Горелов, 2015 – Ростов Н.Д., Горелов Ю.П. Прием беженцев в г. Иркутске и Иркутской губернии в годы Первой мировой войны // Известия Лаборатории древних технологий. 2015. № 4 (17). С. 86–89.

Руководящие положения, 1916 – Руководящие положения по устройству беженцев. Петроград: Типография Министерства внутренних дел, 1916. 16 с.

Суржикова, 2012 – Суржикова Н.В., Михалев Н.А., Пьянков С.А., Российское беженство 1914–1922 годов в контекстах новейших отечественной и зарубежной историографий // Вестн. Пермского ун-та. 2012. 3 (20). С. 140–152.

Туманова, 2014 – Туманова А.С. Общественные организации России в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.). Москва. Политическая энциклопедия, 2014. 327 с.

Ценюга, 2017 – Ценюга С.Н., Волчкова А.В., Ценюга И.Н. Реализация организационно-педагогических условий социокультурной адаптации детей-мигрантов в поликультурной среде основной школы // Известия Волгоградского гос. педагогич. ун-та. 2017. № 9(122). С. 33–41.

Щетинина, 2007 – Щетинина А.С. Беженцы и гражданские интернированные на юге Западной Сибири (1915–1920-е гг.) // Известия Алтайского гос. ун-та. 2007. № 4–2 (56). С. 177–182.

Gatrell, 1999 – Gatrell P. A Whole Empire Walking. Refugees in Russia during World War I. Bloomington & Indianapolis: Indiana University Press, 1999. 317 p.

Zhvanko, 2012 – Zhvanko L. Refugees of the First World War: the Ukrainian Reality (1914–1918). Kharkiv: Apostrof. 2012. 568 p. [in Ukrainian]

References

Belova, 2013 – Belova I.B. (2013). Bezhentsy Pervoi mirovoi voyny iz zapadnykh raionov Rossiiskoi imperii: obespechenie zhiznedeyatel'nosti v mestakh vremennogo prozhivaniya [The refugees of the First World War from the western regions of the Russian Empire: life support in places of temporary residence]. Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta, No 12, 51–62. [In Russian]

[Vestnik, 2016](#) – Vestnik Prieniseiskogo kraja [Herald of the Yenisei region]. 1916. 28 avgusta.

[GAKK](#) – Gosudarstvennyi arkhiv Krasnoyarskogo kraja.

[Gordienko, 2009](#) – *Gordienko L.N.* (2009) Organizatsiya pomoshchi detyam bezhentsev uchebnymi zavedeniyami Altaiskogo okruga v gody Pervoi mirovoi voyny [Organization of assistance to refugee children by educational institutions of the Altai District during the First World War]. *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta*, No 4(1), pp. 63–64. [In Russian]

[Zakony i rasporyazheniya, 1916](#) – Zakony i rasporyazheniya o bezhentsakh. [Refugee laws and regulations]. Vypusk pervyi; 2-e izd., dopolnennoe. Moskva, 1916. 103 p. [In Russian]

[Zlatina, 2010](#) – *Zlatina, M.A.* (2009) Organizatsiya pomoshchi evreiskim bezhentsam v Rossiiskoi imperii v pervye mesyatsy Pervoi mirovoi voyny po materialam pressy (iyul' – oktyabr' 1914 goda) [The organization of assistance to Jewish refugees in the Russian Empire in the first months of the First World War according to press materials (July – October 1914).] *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena*, No 118, pp. 30–35. [in Russian]

[Kattsina, 2013](#) – *Kattsina T.A.* (2013) «Nuzhdaemsya vo vsem...»: polozhenie vyselentsev Pervoi mirovoi voyny v Vostochnoi Sibiri [“We need everything ...”: the position of the First World War settlers in Eastern Siberia]. *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni V. P. Astaf'eva*, No 4(26), pp. 219–222. [In Russian]

[Kurtsev, 2008](#) – *Kurtsev A.N.* (2008). Istoricheskaya sotsiomobil'nost' i mnogoobrazie migratsii naseleniya Tsentral'nogo Chernozem'ya v 1861–1917 gg. [Historical social mobility and diversity of migrations of the population of the Central Black Earth region in 1861–1917] *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Istoriya Rossii*, No 3(13), pp. 82–92. [in Russian]

[Nam, 2015](#) – *Nam I.V.* (2015). Pol'skie bezhentsy Pervoi mirovoi voyny [Polish refugees of the First World War in Siberia]. *Pol'skie ssyl'nye v Sibiri vo vtoroi*

polovine XVIII – nachale XX veka v vospriyatii rossiiskoi administratsii, pereselentsev i korennykh narodov Sibiri : sbornik nauchnykh trudov Omsk: Poligraficheskii tsentr KAN, pp. 274–284. [In Russian]

[Poberezhnikov, 2016](#) – *Poberezhnikov I.A.* Aktory rossiiskoi imperskoi modernizatsii (XVIII – nachalo XX v.): regional'noe izmerenie [Actors of the Russian imperial modernization (XVIIIth - early XXth century): the regional dimension]. Ekaterinburg: Bank kul'turnoi informatsii, 2016. 316 p. [In Russian]

[Protokoly soveshchaniya, 1916](#) – Protokoly soveshchaniya po voprosam prizreniya bezhentsev, sostoyavshegosya 21–23 noyabrya 1915 g. v Irkutske [Minutes of a meeting on the concern of refugees held on November 21–23, 1915 in Irkutsk]. Irkutsk: Elektro-tipografiya I.A. Belogolovogo. 1916. 89 p. [in Russian]

[Rostov, Gorelov, 2015](#) – *Rostov N.D., Gorelov Yu.P.* (2015) Priem bezhentsev v g. Irkutske i Irkutskoi gubernii v gody Pervoi mirovoi voiny [Admission Of Refugees in Irkutsk and Irkutskaya Guberniya in World War I]. Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii, No 4(17), pp. 86–89. [In Russian]

[Rukovodyashchie polozheniya, 1916](#) – Rukovodyashchie polozheniya po ustroistvu bezhentsev [Guidelines for Refugee Management]. Petrograd: Tipografiya Ministerstva vnutrennikh del. 1916. 16 p. [in Russian]

[Surzhikova, 2012](#) – *Surzhikova N.V., Mikhalev N.A., P'yankov S.A.* (2012) Rossiiskoe bezhenstvo 1914–1922 godov a kontekstakh noveishikh otechestvennoi i zarubezhnoi istoriografii [Russian refugee 1914–1922 in contexts of the newest domestic and foreign historiography] Vestnik Permskogo universiteta, No 3(20), pp. 140–152. [In Russian]

[Tumanova, 2014](#) – *Tumanova A.S.* Obshchestvennye organizatsii Rossii v gody Pervoi mirovoi voiny (1914 – fevral' 1917 g.). [Public organizations of Russia during the First World War (1914 – February 1917)]. Moskva: Politicheskaya entsiklopediya. 2014. 327 p. [In Russian]

[Tsenyuga at al., 2017](#) – *Tsenyuga S.N., Volchkova A.V., Tsenyuga I.N.* (2017) Realizatsiya organizatsionno-pedagogicheskikh uslovii sotsiokul'turnoi adaptatsii detei-migrantov v polikul'turnoi srede osnovnoi shkoly [Implementation of the

organizational and pedagogical conditions of sociocultural adaptation of migrant children in the multicultural environment of primary school] *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, N0 9(122), pp. 33–41. [in Russian]

[Shchetinina, 2007](#) – *Shchetinina A.S.* (2007) *Bezhtsy i grazhdanskie internirovannye na yuge Zapadnoy Sibiri (1915–1920-e gg.)* [Refugees and civilian interned in the south of Western Siberia (1915–1920s)] *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta*. 4–2 (56): 177–182. [In Russian]

[Gatrell, 1999](#) – *Gatrell P.* *A Whole Empire Walking. Refugees in Russia during World War I.* Bloomington & Indianapolis: Indiana University Press, 1999. 317 p. [In England]

[Zhvanko, 2012](#) – *Zhvanko L.* *Refugees of the First World War: the Ukrainian Reality (1914–1918).* Kharkiv: Apostrof. 568 p. [in Ukrainian]

УДК 94:373 (571.51) «1914/1918»

**Исторический опыт учебно-воспитательных практик для детей беженцев
Первой мировой войны (на примере Енисейской губернии Российской
империи)**

Татьяна Анатольевна Катцина^{*a,b}, Наталья Васильевна Пашина^a, Людмила Эдгаровна Мезит^b, Екатерина Вадимовна Потапова^a

^aСибирский Фдеральный университет, Красноярск, Российская Федерация

^bКрасноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, Красноярск, Российская Федерация.

Abstract. Обобщен опыт реализации организационно-педагогических условий социокультурной адаптации детей беженцев Первой мировой войны в

*-Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: tkatsina@sfu-kras.ru (Т.А. Катцина), nvpashina@yandex.ru (Н.В. Пашина), mezit@yandex.ru (Л.Э. Мезит), potapowa.catia2011@yandex.ru (Е.В. Потапова)

одном из мигрантоемких регионов Российской империи – Енисейской губернии (в настоящее время – Красноярский край). Анализ ограничен имперским периодом Первой мировой войны, июль 1914 – февраль 1917 гг., в рамках которого определены основные направления в организации обучения и воспитания беженцев в возрасте 7–14 лет. С опорой на достижения современной историографии, комплекс исторических источников (нормативно-правовые акты, делопроизводственные материалы, периодическую печать), методы общенаучного и конкретно-исторического исследования раскрыта региональная специфика реальных образовательно-адаптационных практик в отношении несовершеннолетних беженцев в годы Первой мировой войны. Делается вывод о вкладе региональных общественных организаций в дело предоставления возможности получить и продолжить образование, преодолеть проблемы психологического и поведенческого характера несовершеннолетним беженцам. Наряду с этим отмечено, что неблагоприятные тенденции проявились с кадровым обеспечением учебных заведений. Экономические трудности военного времени и разногласия с губернской и городской администрациями по организационным и финансовым вопросам негативно отразились на устойчивости работы общественных организаций, вынужденных сократить или вовсе прекратить свою деятельность. Незначительный масштаб улучшений положения детей беженцев не дает возможности оценивать эти тенденции как устойчивые, но в то же время представляет собой первый опыт решения неотложных материальных и духовных потребностей беженцев.

Ключевые слова: организационно-педагогические условия, социокультурная адаптация, Первая мировая война, дети-беженцы, Комитет помощи беженцам, школьная секция.